

№252 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Память Отцов Первого Вселенского Собора

Евангельское учение, провозглашённое Христом, неизменно – оно вовеки веков то же. Однако в истории богословия со временем появлялись новые термины, догматические формулы, утверждавшиеся на Вселенских соборах, символические книги, накапливалось свято-отеческое наследие.

То же учение о Троичности лиц Единого Бога в Евангелии уже раскрыто, в частности, в повествовании о крещении Иисуса предтечей Иоанном на Иордане, когда одновременно была явлена Бог-Троица - голос Бога-Отца, свидетельствующий о Христе, как о Сыне возлюбленном, и Бог-Дух, сходящий на Христа в тишине и кротости голубя.

Но Библия начертана в форме повествовательной, она не систематична, в то время, как богословие требует схем.

Вполне резонным может оказаться вопрос – а надо ли оно, это самое богословие – первые христиане, ведь, как-то без него обходились. Обходились, но только до тех пор, пока ни возникала очередная ересь, на которую необходимо было реагировать. Иногда христиане забывали о любви Христовой и действовали силовыми методами репрессий. Это, конечно, позор для Церкви. А вот чёткое формулирование вероучительных установок – это как раз то, что надо.

Именно таковой реакцией на ересь Ария и был созыв императором Константином Первого Вселенского собора в 325 году в городе Никеи (ныне Изник, Турция). На протяжении более двух месяцев 318 епископов, съехавшихся с разных концов тогдашней вселенной, обсуждали свойства Лиц Пресвятой Троицы. Речь шла не об Иисусе, как говорят по своему невежеству некоторые проповедники. Христос – Богочеловек, в котором человеческая природа, воспринятая от Девы Марии, таинственным образом была соединена с природой Божеской - Бога-Сына.

Цена вопроса – **каков Бог-Сын, по отношению к Богу Отцу?** Никто не спорил, что

Бог-Сын, так же как и Бог-Отец – Существо духовное - вневременное и внепространственное. Речь была о равенстве или неравенстве Бога-Сына с Богом-Отцом. Арий, соглашаясь с величием и всемогуществом Бога-Сына, настаивал на том, что Бог-Сын – Богом-Отцом **СОТВОРЁН**, а поэтому **не равен** с Ним в Своём достоинстве. Он говорил - да, Бог-Сын **ПОДОБЕН** Богу-Отцу $\text{o}\mu\iota\omicron\upsilon\beta\omicron\varsigma\text{o}\varsigma$ [омиусиос] - **ПОДОБНОСУЩЕН**, но природа – существо Бога-Сына иная, чем у Бога-Отца.

Отцы собора осудили Ария и утвердили богословский термин, исключаяющий кривотолки. Бог-Сын не «подобносущен», а **ЕДИНОСУЩЕН** Богу-Отцу. Не $\text{o}\mu\iota\omicron\upsilon\beta\omicron\varsigma\text{o}\varsigma$ [омиусиос], а $\text{o}\mu\omicron\omicron\upsilon\beta\omicron\varsigma\text{o}\varsigma$ [омоусиос] – созвучные слова, но слишком разные обозначающие.

Да, любому из нас может показаться, что тонкости эти для простого верующего человека не актуальны. Но это только до тех пор, пока человек не принялся всерьёз размышлять об отношении Всевышнего к нам, людям. Ведь, согласитесь – очень важно для любого из нас – **Сам Бог** настолько возлюбил нас, что воспринял человеческую плоть, жил среди нас, страдал на Кресте ради нашего спасения? Или богоподобное существо, пусть и предельно совершенное?

Дабы сие было удобопонятным не только учёным богословам, но и простому народу, на Первом Вселенском соборе был также принят Символ веры (первая часть до слов ...и в Духа Святого Господа...), в котором предлагается ряд образов, поясняющих простому народу значение догмата о Единосущии Бога-Сына с Богом-Отцом. «...Рожденного – не сотворённого...» - Бог-Сын не творится Богом-Отцом, а рождается. Причём, не в каком-то грубо-антропоморфном смысле, а – как «...Свет от Света...».

Также на Никейском соборе было определено время празднования христианской Церковью Пасхи и признано днём покоя воскресенье вместо субботы.

Запивка после причастия или минитрапеза?

Что делать с просфорой, из которой уже вынута частица для Евхаристии? Ответ разумеется сам собою – съесть. Можно в одиночку, можно кого-то угостить. Но логичнее это сделать за литургической трапезой – назовём её так.

Какой такой трапезой, спросит любой из Вас? Агапы-то отменили более тысячи лет назад! В общем, да. Но, не совсем. Все Вы уже давно привыкли к так называемой «запивке». Т.е., после святого Причастия каждый подходит к столику, на котором кусочек просфоры и стаканчик – либо воды, либо вина разведённого. Что это? Рожки да ножки от древней агапы – христианской совместной

трапезы. И, тем не менее, благодарение Богу, хоть что-то сохранилось - этот скромный жест. Хотя, опять-таки, след этот невежественными церковниками перевернут. Походите по храмам, попросите – зачем после Причастия подходить к столику, на котором чашечки и просфорная нарезка?

- Запить и закусить святыне Тайны – скажут Вам, и пояснят, мол - дабы остатки святыни не оставались во рту, их нужно счистить закусочкой и смыть запивкой.

- А какая надобность в этом? – спросите Вы. Какая разница – во рту или в желудке находятся эти микрочастицы?

И тут Вам, скорее всего, приведут железобетонный аргумент, дескать, когда Вы разговариваете, а тем более кашляете или чихаете, изо рта летят, куда попало брызги и, соответственно, может вылететь и крошка со святым Причастием. А сие - страшный грех. С подобным трудно спорить, особенно, когда перед тобою стоит воплощение сплошной праведности.

Но такого рода «благовение» в кавычках, должно быть строго дозировано – в этих спекуляциях важно вовремя останавливаться. Потому, что - сказал «А» - говори «Б».

Говорят. Мол, **рыбу** нельзя есть, вишни, черешни, сливы, абрикосы – в общем, всё, что с косточками, дабы, не дай Бог, не выплюнуть, скажем, вместе со шкуркой от семечек, остатки Причастия.

Но если уже сказаны и «А», и «Б», то надо бы произнести «В». Как же тогда насчёт туалета? Анус зашить? Или справлять нужду на дровах, после чего огнём сжигать свои экскременты?

Почему **сжигать**, спросите? В некоторых расхожих книжонках сохранились правила, средневековыми католиками придуманные (в перерывах между сожжениями еретиков), что, де – если капля Крови Христовой, т.е., Евхаристического вина, упадёт на пол, или на ткань – одежду там, скатерть и прочее, надобно предать огню **участок, куда попали святыне Дары**. Ну не обязательно **весь** пол сжигать, или платье. От того же шарфика можно отрезать лоскут ткани, куда попала капелька, или в столе дыру выдолбить. И вот этот кусок ткани или деревяшку **сжечь** – причём, не где попало, а в чистом месте, скажем, под деревом, где люди не топчутся.

Прямо таки, колдовство – ещё бы уточнение прибавить – сжигать не в любое время суток, а ровно в 12 часов ночи и обязательно в полнолуние.

Да, так вот то, что обозвали «запивкой» - никакая не запивка. Это жиденькая тень бывшей агапы в виде легчайшего перекуса, правда, доведённого до крайности. Просфоры хотя бы три умять и стакан калорийного напитка – это ещё - куда ни шло. Что до последнего – надо чтоб кто-то на **себя** взял это служение. Мой кум и друг Дмитрий Подсвилов, было время, о сем заботился, но, к сожалению, не найдя себе помощников, оставил труд сей.

Касательно просфор – проблем здесь быть не должно. Следуя логике древней проскомидии, каждый участник Божественной литургии подаёт к жертвеннику минимум одну просфору, хотя бы за себя самого. В результате их оказывается никак не меньше, чем участников Евхаристии.

Но давайте, всё же возвратимся от просфор с вынутыми частицами к самим частицам. Сама идея, образ изъятия частиц – понятен, об этом мы уже говорили с Вами – из всех продуктов, принесённых в храм, издревле выбирался хлебец и немного вина для Причастия – малая **часть** из еды, предназначенной для общей трапезы. И когда всё многообразие продуктов было унифицировано просфорой, принцип сохранился прежний. **Маленькая** частица просфоры изымается для Евхаристии, а **основная** – для минитрапезы, о которой наше нынешнее упоминание.

Но так, да не совсем так. Если строго следовать форме **древней** проскомидии, то пресвитер, по идее, из всего множества принесённых просфор должен был бы выбрать **одну** самую удачную – не пригоревшую, и не сыроватую, не покосившуюся и не приплюснутую. И вот на этой единственной просфоре и совершить Таинство. А уж остальные без всяких надразов оставить для съедания за вышеупомянутой церковной трапезой. Таким образом, полностью сохранялась бы **ранне-христианская** схема проскомидии. Но в какой-то исторический момент священноначалием решено было модернизировать форму бескровного жертвоприношения. Мотивация слишком понятна. Ну вот, представьте – каждый из нас приносит к жертвеннику просфору, но пресвитер из всего множества выбирает лишь одну, а остальные возвращает на перекус, так сказать. Мелочи, но, обидно, ведь. Моя просфора в корзину, а Фемина – на престол. Тогда уж надо эти просфоры нумеровать и в барабане перемешивать, как в спортлото – чья побеждает на сей раз.

Но избран был иной вариант – бесприорный - **каждая** просфора выигрывает, от каждой изымается частица для Евхаристии, ну и в результате – всё «пучком» – и чинно, и символично, и содержательно, и все счастливы.

Но не совсем красиво, если в качестве возносимого Богу хлеба будет просто горочка хлебных крошек. Да и не совсем удобно с ними обращаться, в частности, преподносить святое Причастие – они рассыпаются и образуют такое, не совсем эстетичное подобие винной каши. В конце концов, пришли к такой комбинированной версии – и то, и другое – и частицы, и просфора цельная, из которой вырезается прямоугольный параллелепипед, в средневековье названный агнцем, о котором наш с Вами дальнейший разговор.